

Игорь Владимирович Голубь родился в 1984 году в городе Калининграде. Окончил Балтийский федеральный университет им. И. Канта по специальности «журналист». Работает в правительстве Калининградской области экспертом-лингвистом. Автор четырех поэтических сборников и совместно с поэтессой Екатериной Мантуровой — сборников стихов «Два кита», «Города», «Неман». Редактор и издатель молодежного литературно-публицистического журнала «Веретено», руководитель поэтического театра «Буревестник». Участник Российского совещания молодых литераторов (Воронеж, 2019). Член Союза писателей России. Живет в Калининграде.

Игорь Голубь

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДО КОНЦА

* * *

Вася хотел в том августе пожениться — Праздник веселый, расписанный по часам... Только лежит в земле, а над ним пшеница Тянется к тихо плачущим небесам.

Колю ждала седовласая мать-старушка — Теплый платок, в заплатках большой халат. Коле ее не обрадовать, потому что Кости его в том же поле давно лежат.

Ксения, белорусская партизанка, Вечно на поле — ведь раны бойцов важней. И потому в этом поле железо танка Волей жестокой судьбы поквиталось с ней.

Боря в минуты привала был гармонистом, Стойкий и сильный —

с рождения весь в отца...

В ветреном поле, неровном и каменистом, Братской могиле не видно теперь конца.

Желтое поле... Зачем мне идти куда-то: Здесь и прохлада, и август, и благодать. Что вы любили, чем жертвовали, ребята, Чтобы я мог здесь с улыбкой сейчас стоять?

* * *

Там, где камень большой одинок
И тропинки слепые — узлами,
В красной грязи лежит паренек,
Тот, которого я не узнаю...

В пыль уткнулся он юным лицом,
Кровь внезапная быстро засохла.
Он всегда был по жизни бойцом —
Им остался до крайнего вздоха...

Обрывается тонкая нить,
Порождая зверье в эпилоге:
От желающих связанных бить
До стреляющих связанным в ноги.

Обрывается тонкая нить,
И рыдает бездушное небо...
Никого я не вправе винить,
Если я под обстрелами не был.

Но, возвращенный великой страной,
Я с такими же точно бойцами
Пил водицу из кружки одной
И носил кирзачи месяцами.

Как и ты, никогда не терпя,
Если слабых гурьбою пинали,
Я как будто оставил тебя,
Отвернулся трусливо в финале...

За тебя отомстит батальон,
Хоть в душе пустоту не заполнить.
У тебя очень много имен,
И я каждое должен запомнить.

Пусть утихнет внутри меня ток —
То ли боль, то ли страх, то ли злоба.
Мы похожи с тобою, браток,
Потому что мы русские оба.

* * *

Сырая тишина густела
(Давай поднимем за помин),
И не было как будто тела
В окопе под напором мин.

Оно как будто растворилось,
Не так, как прочие тела.

Был человек, но божья милость
Его впервые обошла.

Наверно, надо помолиться,
Но почему, черт побери,
Когда смотрю в иные лица,
Слова теряются внутри?..

Мой враг — как много раз доньше
Тебя прощал я, как дурак,
Когда топтался по святыне
Ты по моей, как всякий враг.

Когда ты восхищался этим
И словно превращался в плоть,
Ну а потом стрелял по детям,
Решив патронов не жалеть.

Кто говорит, что время лечит?
Я помню твой последний вскрик,
Лежишь в окопе, но не легче
Мне от того, что ты погиб.

Продлится много лет минута.
Я рядом мысленно стою.
Но ты — мой враг, и потому-то
Я принял ненависть твою.

И лишь глаза твои просили:
Слова свои побереги
Для русских, что кланут Россию,
Они теперь — твои враги.

* * *

Здесь тополя стоят по стойке «смирно».
Филипповка, дорожный поворот.
С венков поблекших пыль дождями смыло,
Не смыло память здесь polegших рот —

Колосьями в пустом забытом поле,
Завязанными в тысячи узлов...
И потому я это место помню —
Без пафоса, без праздника, без слов.

Вот представляю: надевая маски,
Под всем знакомый песенный мотив
Придет сюда народ на праздник майский,
Букеты на могилу возложив.

Но я приеду, датами не скован,
И молча серый камень обниму,

Ведь братская могила — место скорби,
А скорбь носить привычно одному.

Пусть будет май и музыка с экранов,
И снова будут ленточки в ходу,
Прошу вас: вспоминайте ветеранов
Не раз в году...

* * *

В лесу, в сети знакомых троп,
Где ветка каждая упруга,
Я часто нахожу окоп —
Он тянется почти до луга...

Наступишь — и насквозь прожгло,
Как посмотрел святой с иконки...
Здесь тянутся так тяжело
Стволы берез со дна воронки.

Березок непрерывен строй.
Я молча примыкаю к строю...
Спокойно спи в земле, герой,
Я сон твой не побеспокою.

Тебе деревья и цветы
Годами отдают поклоны.
А я вернусь домой, и ты
Посмотришь на меня с иконы.

* * *

Был ветер, трава шелестела,
Ложилась на пальцы роса.
И словно бы не было тела,
И тень ни на дюйм не росла.

И в этом была божья милость.
Лишь борозды, как рубцы.
И сонно над полем кружились
Рассерженные скворцы.

Подумалось, что в эту влагу,
В небесное молоко
Когда-нибудь молча я лягу,
И будет светло и легко.

И будет холодный мираж, и
Ни тени, ни слов, ни следа...
Все это мое до мурашек,
И будет моим навсегда.

А я тянусь к чему-то божьему,
Что человек не поломал.
А я тянусь к чему-то большому,
Но сам и бестолков, и мал.

А много ль надо сил, умеючи,
Больную голову скребя,
Отвергнуть в этой жизни мелочи,
Включая самого себя?

И я, бродя всю жизнь по темени,
Ступнями разгребая ил,
Давно уставший и потерянный,
Когда-то тоже божьим был.

Летя от станции до станции,
От жалкой тряпки до бойца,
Я все переживу — остаться бы
Мне человеком до конца...